

Исследования социокультурных процессов конца XIX – начала XX в.

УДК 930.2

DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-12-23

Научное наследие Н.П. Кондакова
в историографическом осмыслении
его учеников и коллег

Павел А. Алипов

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, palipov@mail.ru*

Аннотация. Настоящая статья представляет собой историографический анализ работ, составивших сборник в честь восьмидесятилетнего юбилея выдающегося российского археолога и историка Н.П. Кондакова (Прага, 1924) и ставших потому первой значимой попыткой систематизировать его богатое научное наследие. Особо подчеркивается факт признания авторами сборника сложившейся научной школы ученого, а также попытка выделить ее теоретико-методологические принципы, предпринятая одним из самых блестящих учеников и последователей ученого – М.И. Ростовцевым.

Ключевые слова: Н.П. Кондаков, М.И. Ростовцев, научная школа, проблема влияний, древности юга России, визуальные источники

Для цитирования: Алипов П.А. Научное наследие Н.П. Кондакова в историографическом осмыслении его учеников и коллег // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2019. № 2. С. 12–23. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-12-23

Scholarly heritage of N.P. Kondakov
in the historiographical comprehension
of his disciples and colleagues

Pavel A. Alipov

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
palipov@mail.ru*

Abstract. The article presents a historiographical analysis of the works from the digest in honor of the eightieth anniversary of the remarkable Russian archaeologist and historian Nikodim Pavlovich Kondakov (published in Prague

---

© Алипов П.А., 2019

in 1924) where the first significant attempt to systematize his rich scholarly heritage had been undertaken. The author especially underlines the fact that almost all of its participants had acknowledged the established scientific school of N.P. Kondakov, and also an attempt of the brightest disciple and follower of the scholar – M.I. Rostovtzeff – to emphasize its theoretical and methodological principles.

Keywords: NP. Kondakov, MI. Rostovtzeff, scientific school, a problem of influences, antiquities of the South of Russia, visual sources

For citation: Alipov PA. Scholarly heritage of NP. Kondakov in the historiographical comprehension of his disciples and colleagues // *RSUH/RGGU Bulletin. "Political Science. History. International Relations" Series*, 2019; 2:12-23. DOI: 10.28995/2073-6339-2019-2-12-23

Введение

Имя выдающегося историка и искусствоведа Н.П. Кондакова (1844–1925), как и имена многих отечественных ученых, оказавшихся вследствие событий Великой российской революции в вынужденной эмиграции, в последние годы все чаще привлекает внимание исследователей. Тот расцвет, который переживала историческая наука в Российской империи в конце XIX – начале XX в., когда научные идеи и творческие озарения лучших ее представителей не просто органично вписывались в общемировой контекст, но зачастую оказывались на несколько шагов впереди того, что делали на тот момент западные коллеги, заставляет вновь и вновь обращаться к ее наследию. В этом ключе и труды самого Н.П. Кондакова, и работы одного из его лучших учеников (хотя их личные отношения были не всегда равными¹) М.И. Ростовцева уже с начала 1990-х годов становятся объектами пристального историографического изучения.

Такой интерес обусловил и другую тенденцию. В этот же период начинают активно издаваться на русском языке сочинения авторов, впервые опубликованные ими уже за рубежом, в условиях изгнания, а также не менее интенсивно переиздаются их дореволюционные опусы. Стараниями И.Л. Кызласовой, посвятившей много лет и усилий для того, чтобы во всей полноте высветить

---

¹Интересно сравнить противоречивые характеристики этих отношений, приводимые в воспоминаниях В.Н. Муромцевой-Буниной и в материалах, найденных И.В. Тункиной. См.: *Муромцева-Бунина В.Н. Н.П. Кондаков (К пятилетию со дня смерти)* // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. С. 348–358.

вклад Н.П. Кондакова в отечественную и мировую науку [1], был подготовлен к печати сборник его воспоминаний с включением ряда никогда не публиковавшихся фрагментов^{2, 3} – богатый данными источник о быте, нравах и особенно о системе образования в пореформенной России (мемуары писались в тяжелейший период, незадолго до эвакуации из Крыма весной 1919 г., поэтому ученый успел довести свои записи лишь до конца 1880-х гг.)⁴.

Однако еще более значимым материалом, имеющим непосредственно историографическую ценность, стоит признать тексты, составившие приложения к публикации «Воспоминаний и дум» Н.П. Кондакова. В их основу легли статьи из сборника, изданного в Праге к восьмидесятилетию ученого и давно уже ставшего библиографической редкостью⁵. Учитывая тот факт, что Никодим Павлович умер всего через несколько месяцев после юбилейных торжеств, а потому уже не смог создать новых серьезных трудов, этот сборник превратился в своеобразный научный реквием по историку, но вместе с тем создалась уникальная ситуация. Если обычно для того, чтобы достойно представить вклад того или иного ученого в мировую науку после его смерти, требуется достаточно длительное время, иногда годы, подчас десятилетия, то здесь эта работа оказалась уже полностью проделанной. Таким образом, статьи и заметки из пражского сборника являют собой самый ранний, но при этом достаточно зрелый образец историографических исследований, ставших своеобразной точкой отсчета для всех последующих попыток анализа и систематизации научного наследия Н.П. Кондакова.

Ценность издания усилена еще и тем, что И.Л. Кызласова считала нужным включить в него, помимо указанного материала, две развернутые статьи Г.В. Вернадского [2, 3] (тесно сотрудничавшего с ученым в последние годы его жизни и стоявшего затем у истоков создания Семинария, а затем и Института им. Н.П. Кондакова⁶), мощную и весьма содержательную работу одного из лучших

---

² Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. 416 с.

³ Кондаков Н.П. Воспоминания и думы // Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Русский путь, 2004. С. 18–104.

⁴ Кызласова И.Л. От составителя // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 9–16.

⁵ Никодим Павлович Кондаков: 1844–1924. К восьмидесятилетию со дня рождения. Прага: Б. и., 1924.

⁶ Росов В.А. Семинариум Кондаковианум: Хроника реорганизации в письмах. 1929–1932. СПб.: Б. и., 1999. 168 с.

учеников историка – Д.В. Айналова [4], а также воспоминания В.Н. Муромцевой-Буниной (жены великого писателя), близко знавшей Никодима Павловича в период, предшествовавший их эмиграции (супруги Бунины отплыли с ученым из Одессы в Константинополь не просто на одном пароходе, но и в одной каюте⁷).

Все эти обзоры требуют серьезнейшей историографической проработки, поскольку именно они лежат в основании той традиции осмысления творческого наследия Н.П. Кондакова, которая сформировалась в отечественной исторической науке и в отечественном искусствоведении в течение XX столетия. Будучи ограничены рамками академической статьи, сосредоточимся на анализе пражского издания, отложив разбор более поздних и зрелых исследований для следующей публикации.

Оценки коллег

Работы, помещенные в юбилейном сборнике к восьмидесятилетию ученого, носят, безусловно, довольно общий и сугубо комплиментарный характер. Тем не менее они не лишены весьма ценных наблюдений, сделанных людьми, близко знавшими и тесно сотрудничавшими с ним. Открывает книгу очерк чешского историка Любора Нидерле, инициировавшего проведение юбилейных торжеств в Праге 1 ноября 1924 г.⁸, в котором с ходу заявлено о лидерстве Н.П. Кондакова среди всех русских археологов, прочно завоеванном им еще в 90-х гг. XIX в. и никем не оспариваемом по настоящее время. Первенство это зиждется на владении ученым невероятно широким материалом и его способности подвергать свои источники всестороннему анализу для получения соответствующих результатов⁹. Как специалист по древним славянским культурам, Л. Нидерле обращает внимание именно на те аспекты творчества Н.П. Кондакова, которые наиболее близко соприкасаются с его собственными интересами в науке. В частности, непреходящую

---

⁷Кызласова И.Л. От составителя // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 9–16.

⁸Письма М.И. и С.М. Ростовцевых Н.П. и С.Н. Кондаковым / Публ. Г.М. Бонгард-Левина, В.Ю. Зуева, И.Л. Кызласовой, И.В. Тункиной // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. С. 431–460.

⁹Нидерле Л. Значение Н.П. Кондакова в славянской археологии // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 199–204.

ценность чешский историк признает за многотомным трудом «Русские древности», по достоинству оцененным коллегами в Европе и сразу же переведенным на французский язык. Именно всеохватность привлеченного со всей России археологического материала, причем малоизвестного для большинства самих русских ученых, позволила Н.П. Кондакову выйти на доселе недостижимый уровень обобщений и систематизировать историю древних культур на территории Российской империи, выстроив четкую хронологию и определив взаимосвязи между киммерийским, скифским и славянским периодами^{10, 11, 12}.

Примечательно, что основной заслугой Н.П. Кондакова в изучении последнего Л. Нидерле считает его выход на проблему влияния иноземных культур: скифо-сарматской, римской, готской, скандинавской, но самое главное – влияния Востока и Византии. Именно они, будучи усвоены славянскими мастерами в ходе интенсивного экономического и межнационального общения, стали базовым механизмом того процесса, благодаря которому «появились сначала грубые подражания, и лишь позже работы более совершенной техники и вещи самостоятельного изобретения, хотя и выполненные в византийско-восточном характере»¹³.

Краткая, но очень эмоциональная и в некоторых местах даже интимная заметка выдающегося британского антиковеда и слависта Эллиса Миннза словно бы вторит вступительному очерку Л. Нидерле. Будучи главным специалистом по России в Велико-

---

¹⁰ *Нидерле Л.* Указ. соч. С. 199–204.

¹¹ Многотомный труд «Русские древности» состоит из шести выпусков, издававшихся последовательно с 1889 по 1899 г., и имеет двойное авторство. Однако участие в работе графа И.И. Толстого заключалось в помощи, оказываемой Н.П. Кондакову при тщательном отборе воспроизводимого в этом труде иллюстративного материала, что в условиях конца XIX в. имело принципиальное значение не только собственно с художественной, но и с материальной стороны дела. Тем не менее весь текст и, следовательно, концепция труда принадлежат исключительно Н.П. Кондакову. См., в частности: Библиография трудов Н.П. Кондакова / Сост. И.Л. Кызласова // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 365.

¹² *Клейн Л. С.* История российской археологии: Учения, школы и личности. Т. 1. Общий обзор и дореволюционное время. СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2014. С. 550.

¹³ *Нидерле Л.* Значение Н.П. Кондакова в славянской археологии // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 199–204.

британии первой половины XX в., три года (с 1898 по 1901) стажировавшийся в Москве и Петербурге, а потому имевший внушительный круг знакомых и друзей среди российских ученых, в том числе и Н.П. Кондакова, он с уверенностью говорит о пионерском значении «Русских древностей» в деле изучения взаимосвязей между скифской и сарматской культурами, а затем и теми культурами, которые взаимодействовали на пространстве всей территории будущей Российской империи и даже шире – Евразии в целом в эпоху Великого переселения народов. Однако еще более важной представляется идея Э. Миннза о том, что полученные выводы нашли свое продолжение в исследовательских траекториях как русских, так и европейских историков. К первым он без колебаний относит М.И. Ростовцева и Я.И. Смирнова, ко вторым – О.М. Дальтона и Й. Стржиговского¹⁴. Таким образом, впервые речь заходит о вероятном складывании своеобразной научной школы, теоретико-методологические основания которой следует искать именно в работах Н.П. Кондакова.

Итальянский ученый Антонио Муньос бегло обозначил основные области творчества русского коллеги, в которых тот добился выдающихся результатов, сделав при этом акцент на связи его научных открытий с Италией [5]. Здесь указаны и его заслуги по изучению отдельных памятников итальянского искусства, и сам факт осознания Н.П. Кондаковым ценности рукописей, хранящихся в библиотеке Ватикана, для исследовательского сообщества, которое ранее не воспринимало важность этого хранилища должным образом. По мнению А. Муньоса, именно ватиканские источники стали той базой, на которой выстраивается концепция развития византийского искусства, предложенная русским ученым и в основных своих контурах остающаяся общепризнанной по сей день. Тем не менее снова хочется подчеркнуть ту сторону рассматриваемой заметки, где речь идет не столько о конкретных достижениях Н.П. Кондакова, сколько о его внутренних качествах. Автор отмечает, что он «подобно другим своим соотечественникам, несмотря на изгнание и события на своей Родине, спокойно и уверенно продолжает свои исследования, находя утешение в своей любимой работе»¹⁵. Впоследствии схожие характеристики будут звучать и в адрес его учеников, в том числе и одного из самых талантливых – М.И. Ростовцева.

---

¹⁴ Миннз Э. Область южнорусских и скифских древностей // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 205–207.

¹⁵ Там же.

Суждения учеников

Собственно, воспоминания последнего и продолжают юбилейный сборник [6], а потому к ним следует отнестись с повышенным вниманием. Свой очерк М.И. Ростовцев даже выстраивает иначе по отношению к тем заметкам, с которыми мы имели дело до сих пор. Получив в свое время через Н.П. Толля письмо от приемного сына Никодима Павловича Сергея с просьбой поучаствовать в юбилейном проекте в честь его отца, ученый очень серьезно отнесся к этой миссии. В ответном письме он задавал вопрос: «Будет ли это сборник статей о Никодиме Павловиче или сборник научных статей в его честь? <...> Если первое, то мои странички будут чем-то вроде воспоминаний о совместной работе, или Вы хотите нечто вроде оценки его научной деятельности. Оценка есть дело очень трудное и деликатное, и вряд ли есть вещь подходящая, когда дело идет о живом и работающем человеке»¹⁶. Исходя из обозначенной позиции, он не разбирает творчество Н.П. Кондакова как таковое, не анализирует его труды. Сославшись на тот факт, что область смежных с ученым научных интересов (ранняя история юга России) уже нашла исчерпывающую оценку в вышеупомянутой статье Э. Миннза [18 с. 211], М.И. Ростовцев, используя, казалось бы, личные воспоминания о годах студенческой юности и своего непосредственного обучения у Н.П. Кондакова, выходит на уровень анализа его методологии, а затем и на схолярную проблематику.

В первую очередь, он касается вопроса о так называемом кружке «фактопоклонников», который сформировался в 90-х гг. XIX в. в Музее древностей Петербургского университета из учеников Н.П. Кондакова, усердно посещавших его лекции и дополнительные занятия¹⁷. Отмечая, что ныне такая терминология кажется устаревшей и даже несколько смешной, а поклонение фактам как таковое не было свойственно ни самому Никодиму Павловичу, ни его ученикам, М.И. Ростовцев поясняет, что речь на этих встречах шла о недопустимости бесплодного, ни на чем не основанного теоретизирования, «это была здоровая реакция против смутных и малообоснованных обобщений, к которым так склонны русские люди». За этими словами мы можем увидеть очень строгую мето-

---

¹⁶ Письмо М.И. Ростовцева к С.Н. Кондакову от 23 июля 1924 г. // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. С. 458–459.

¹⁷ См. подробнее: *Зуев В.Ю.* М.И. Ростовцев. Годы в России. Биографическая хроника // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. С. 50–83.

дологическую позицию, не допускавшую априорных философских предпочтений (ни в виде господствовавшего еще тогда позитивизма, ни в форме набравшего силу марксизма) в противовес эмпирической базе исследования.

Вторым важнейшим методологическим принципом, заложенным Н.П. Кондаковым в своих учеников, М.И. Ростовцев признает умение работать с визуальным материалом, отдавая ему даже некоторое предпочтение перед памятниками письменности. Вспоминая об одной из своих постстуденческих командировок, в обязательном порядке практиковавшихся в дореволюционной России, он говорит о совместном пребывании с Н.П. Кондаковым и его ближайшими учениками в Испании. «Я просто ездил и смотрел, лучше сказать учился смотреть и видеть. Мало кто знает, как это трудно. Этому трудному делу я научился от Н.П. [Кондакова] и Я.И. [Смирнова], хотя они никогда меня этому не учили, а только смотрели сами и делились со мной тем, что они увидели. Одних глаз для этого мало. Нужно иметь и царя в голове»¹⁸. Первенствующее внимание к визуальным источникам – росписям, фрескам, мозаикам, произведениям станковой живописи – стало отличительной чертой научного творчества большинства учеников Н.П. Кондакова.

Синтетический подход к источниковой базе исследования, по убеждению М.И. Ростовцева, как раз и отличает историка от искусствоведа или филолога-классика. «Чистым археологом¹⁹ я не сделался, как не сделался и классическим филологом. Но я пытался и пытаюсь быть историком древности, понимание которого основано и зиждется на археологии и классической филологии»²⁰. Умение сопоставлять свидетельства разных видов и типов, таким образом, выступает третьим методологическим основанием специфического научного аппарата, развивавшегося последователями Никодима Павловича.

Наконец, М.И. Ростовцев вплотную подходит к вопросу о своеобразной школе, выросшей в недрах сначала кружка «фактопклонников», а затем и «Свободной Академии», как стали называть продолжительные чаепития дома у Н.П. Кондакова, на которые собирались его ученики и коллеги для того, чтобы в дружеской ат-

---

¹⁸ *Ростовцев М.И.* Странички воспоминаний // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 211–216.

¹⁹ Под археологией в конце XIX – начале XX в. понималось изучение любого рода вещественных памятников: не только собственно археологических, но и архитектурных, и живописных и т. д. В современном плане значение этого термина ближе к искусствоведению.

²⁰ *Ростовцев М.И.* Указ. соч. С. 213.

мосфере обсудить последние открытия в области науки, поделиться своими идеями, поговорить о политике, культуре, о жизни страны²¹. Обозначив научные принципы, которыми руководствовались Никодим Павлович и его воспитанники в своей профессиональной деятельности, М.И. Ростовцев утверждает: «По этому же пути идут и наши ученики»²². И далее продолжает: «Наши ученики, особенно ученики Д.В. Айналова, как-то сами собою делали его учениками: за чашкой чая на его днях, во время поездок в Крым, при случайных встречах в Италии»²³. Обратим внимание, что в данной ситуации речь идет уже о формировании третьего поколения историков, своего рода «внуков» Н.П. Кондакова в большой науке, а значит, о сложившейся полноценной школе. Но в ее основание М.И. Ростовцев кладет не объект исследования (который совершенно естественно не смогла обнаружить у учеников Н.П. Кондакова И.Л. Кызласова, отказавшаяся поэтому говорить о его школе изучения русской и византийской религиозной живописи), а метод и теоретическую базу.

«Краткое приветствие» С.А. Жебелёва, как сам автор определил жанр своей заметки²⁴, носит скорее лирический характер и изобилует личными впечатлениями от бесед и работы с Н.П. Кондаковым. Сославшись на ранее написанный о нем раздел в своей обобщающей работе «Введение в археологию» и кратко перечислив основные направления деятельности ученого – от преподавания в Петербургском университете до создания Иконописной комиссии и работы над уставом Академии художеств²⁵, С.А. Жебелёв погружается в воспоминания о все тех же «журфиксах» в квартире Никодима Павловича и о том задушевном общении, которым эти и другие встречи были наполнены²⁶. Совершенно безобидный очерк, не содержащий каких-либо значимых историографических характеристик творчества Н.П. Кондакова, стал тем не менее достаточно известен как своего рода прелюдия к развернувшемуся вскоре печальному «делу академика С.А. Жебелёва», чуть было не стоившего ему потери кресла в Академии наук и прочих следующих за этим неприятностей. Через несколько лет после сборника в честь юбилея Н.П. Кондакова в Праге выйдет новый совместный труд памяти любимого ученика последнего – Я.И. Смирнова,

²¹ Ростовцев М.И. Указ. соч. С. 215–216.

²² Там же. С. 213.

²³ Там же. С. 214–215.

²⁴ Жебелёв С.А. ОЕУС ТА ПРАГМАТА // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 217–222.

²⁵ Жебелёв С.А. Указ. соч. С. 216–217.

²⁶ Там же. С. 217–219.

в котором некролог С.А. Жебелёва снова будет соседствовать с очерком М.И. Ростовцева, в эмиграции очень резко обозначившим свое неприятие молодой советской власти. Вспыхнувший скандал, сам ход этого дела, вынужденное отречение С.А. Жебелёва от дружбы с М.И. Ростовцевым и иные ужасающие приметы научной жизни России 20-х гг. XX. в. достаточно подробно описаны в специальной литературе [7], а потому мы позволим себе в данной работе опустить этот момент.

Завершается юбилейный сборник в честь восьмидесятилетия Н.П. Кондакова очень трогательными, но лишёнными принципиального историографического значения воспоминаниями И.И. Толстого²⁷, сына того И.И. Толстого, с которым ученый создавал выпуски «Русских древностей» и готовил новый Устав Академии художеств (1894 г.), каковые факты и отмечаются в очерке.

Заключение

Несмотря на во многом личный и эмоциональный характер большинства заметок рассматриваемого нами коллективного труда, шесть ученых, принявших в нем участие, сумели очень четко и тонко сформулировать основные черты научного творчества Н.П. Кондакова. Всеми ими безусловно признается лидирующее положение ученого в российской, а во многом и мировой археологии, базирующееся на его умении анализировать самый широкий по географическому и хронологическому охвату материал. Последнее, в свою очередь, позволило ему сделать важнейшие выводы о взаимоотношениях различных древних культур, развивавшихся на пространствах бывшей Российской империи, и напрямую выйти на проблему их взаимовлияний. Целый ряд специалистов не преминул указать, что в рамках этой проблематики сформировалась уже целая школа последователей Н.П. Кондакова. Один из ее представителей – М.И. Ростовцев обозначил и ключевые методологические принципы школы: отказ от пустого теоретизирования, не имеющего своим фундаментом конкретных исторических фактов, а также синтетический подход к источниковой базе исследования, в которой должны сочетаться свидетельства разных типов и видов, причем повышенное внимание уделяется источникам визуального характера, умение адекватно толковать которые признается сложнейшим навыком, требующим длительной академической подго-

---

²⁷ Толстой И.И. Из далекого прошлого // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. С. 223–227.

товки. Именно с этих замечаний и наблюдений следует вести отсчет попыток историографического проникновения в творческую лабораторию Н.П. Кондакова.

Благодарности

Статья выполнена в рамках работы по научному проекту РГГУ «Проблемы интеллектуальной истории глазами молодых исследователей» (конкурс «Проектные научные коллективы РГГУ»).

The work was prepared as a part of the research project of Russian State University for the Humanities «Problems of intellectual history through the eyes of young researchers» (the tender «Project research teams of the Russian State University for the Humanities»).

Литература

---

1. *Кызласова И.Л.* История изучения византийского и древнерусского искусства в России (Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории). М.: Изд-во Москов. ун-та, 1985. 184 с.
2. *Вернадский Г.В.* О значении научной деятельности Н.П. Кондакова. К восьмидесятилетию со дня рождения. 1844–1924 // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. С. 228–257.
3. *Вернадский Г.В.* Никодим Павлович Кондаков // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. С. 258–323.
4. *Айналов Д.В.* Академик Н.П. Кондаков как историк искусства и методолог // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. С. 324–347.
5. *Муньос А.* Работы Н.П. Кондакова и Италия // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. С. 208–210.
6. *Ростовцев М.И.* Странички воспоминаний // Кондаков Н.П. Воспоминания и думы / Сост. И.Л. Кызласова. М.: Индрик, 2002. С. 211–216.
7. *Тункина И.В.* М.И. Ростовцев и Российская Академия наук // Скифский роман / Под общ. ред. Г.М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН, 1997. С. 84–123.

References

---

1. Kyzlasova I.L. The history of the Byzantine and Old Russian arts study in Russia (F.I. Buslaev, N.P. Kondakov: methods, ideas, theories).
2. Vernadsky G.V. About the significance of the scholarly activity of N.P. Kondakov. On the issue of his eightieth anniversary. 1844–1924 // Kondakov N.P. Recollections and thoughts.

3. Vernadsky GV. Nikodim Pavlovich Kondakov // Kondakov N.P. Recollections and thoughts.
4. Aynalov DV. The academician N.P. Kondakov as a historian of the arts and methodologist // Kondakov N.P. Recollections and thoughts.
5. Muñoz A. The works of N.P. Kondakov and Italy // Kondakov N.P. Recollections and thoughts.
6. Rostovtzeff MI. The pages of recollections // Kondakov N.P. Recollections and thoughts.
7. Tunkina IV. M.I. Rostovtzeff and the Russian Academy of Sciences // Scythian novel.

Информация об авторе

Павел А. Алипов, кандидат исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, г. Москва Миусская пл., д. 6, 125993; palipov@mail.ru

Information about the author

Pavel A. Alipov, Candidate of Science (History), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, GSP-3, 125993; palipov@mail.ru